

Анна Константиновна Павельева

Аспирант кафедры зарубежной литературы
ПДПУ имени В. Г. Короленка,

**Время и пространство в повести Н.В.Гоголя «Вечер накануне Ивана
Купала»**

Аннотация

Автор статьи рассматривает время и пространство в повести Н. В. Гоголя «Вечер накануне Ивана Купала». В частности, анализируются такие временные формы, как бессобытийное, абстрактное время, историческое, мистериальное, календарно-историческое, а также призрачное, ирреальное пространство, отдаленное, недоброе, фантастическое. В статье также уделяется внимание такому хронотопическому феномену как «демоническая вертикаль».

Ключевые слова: реальное, ирреальное, фантастическое, мистическое, календарное, цикличное время; пространство, хронотоп, цикличность, хронотопические мотивы, временная дискретность, пространственные координаты, «интенсивность» времени, «насыщенность» пространства.

Анотація

Автор статті розглядає час і простір у повісті М. В. Гоголя «Вечер накануне Ивана Купала». Зокрема, аналізуються такі часові форми, як безподієвий, абстрактний, історичний, містеріальний, календарно-історичний час, а також примарний, ірреальний, віддалений, «недобрий», фантастичний простір. У статті також приділяється увага такому хронотопічному феномену як «демонічна вертикаль».

Ключові слова: реальний, ірреальний, фантастичний, містичний, календарний, циклічний час; простір, хронотоп, циклічність, хронотопічні мотиви, часова дискретність, просторові координати, «інтенсивність» часу, «насиченість» простору.

Summary

The author of the article considers time and space in Gogol's short-story "The Evening On the Eve of Ivana Kupala". In particular, the following time forms are analyzed: uneventful, abstract, historical, mysterious, calendar-historical time. Besides, such types of space are detailed: phantasmal, unreal, remote, hostile, fantastic.

The key words: real, unreal, fantastic, mystic, calendar, cyclic time; space, chronotope, recurrence, chronotopic motives, time discontinuity, space coordinates, time "intensity", space saturation.

Проблема хронотопа продолжает оставаться актуальной теоретической проблемой, несмотря на то, что к её освещению обращались такие исследователи, как М. М. Бахтин, П. А. Флоренский, Д. С. Лихачев, Ю. М. Лотман, М. И. Стеблин-Каменский, В. Н. Топоров, А. М. Пятигорский, А. Б. Есин, В. Е. Хализев. Отдельных исследований проблемы времени и пространства в цикле Н. В. Гоголя «Вечера на хуторе близ Диканьки» нет, поэтому выбор темы данной работы мотивируется недостаточной исследованностью материала.

Художественное время и художественное пространство – важные структурные элементы повести Гоголя «Вечер накануне Ивана Купала». Модель пространственно-временных отношений в повести обусловлена картиной мира, которую стремится создать автор. Эти категории способствуют тому, что произведение воспринимается как давняя былина. Нечистая сила с ее проделками, в частности дьявол, действуют в повести в определенном времени и пространстве.

Переходы из одного времени в другое и пространственные перемещения осуществляются в повести легко и свободно благодаря фигуре повествователя, который «сжимает» время (от проделок Басаврюка к «свиданиям» Петруся и Пидорки), «растягивает» (ожидание Петрусем прихода вечера) и, напротив,

останавливает его (например, в описании внешности Пидорки или как «в старину свадьба водилась»).

Хронотоп в повести «Вечер накануне Ивана Купала» имеет неоднородный и комбинированный характер.

Так, вначале повести «Вечер накануне Ивана Купала» *преобладает бессобытийное время* – это воспоминания рассказчика о Фоме Григорьевиче и его манере повествования. Далее следует пересказ дьячком истории, услышанной в детстве от деда. Можно выделить такие характеристики *авторского хронотопа* как *абстрактность* и *многослойность*. Неизвестно, ни когда Фома Григорьевич поделился с Рудым Паньком своими воспоминаниями, ни где это происходило. Писатель только упоминает о том, что все «придвинулись к столу». К тому же, перед читателем предстают сразу три *временных пласта*: повествователь когда-то слышал быль, рассказанную дьячком, а тот, в свою очередь, узнал её, будучи ребенком, от деда, который утверждал, что эта история приключилась «лет – куды! – более чем за сто». Поскольку события, о которых идет речь, происходили в отдаленном прошлом, автор описывает *абстрактное время*: «случится», «бывало...», «да раз...», «вот один раз...».

Хронотоп стола выполняет в повести важную функцию. Именно стол послужил толчком к воспоминаниям Фомы Григорьевича. Сытный обед, чарка – эти обстоятельства располагают к душевному разговору. «Мы придвинулись к столу, и он начал» [4, с.40] – этими словами авторское повествование переходит в рассказ дьячка.

События, о которых рассказывает дьячок, происходят на *открытом пространстве поля*, среди которого расположен десяток изб, в *историческое время* – в эпоху Подковы, Полтора Кожуха и Сагайдачного (XVI- I половина XVII века). «Тогда козаковал почти всякий и набирал в чужих землях немало добра <...>. Какого народу тогда не шаталось по всем местам: крымцы, ляхи, литвинство! Бывало то, что и свои заедут кучами и обдирают своих же. Всего бывало» [4, с.41]. Это село, располагавшееся «может, не дальше ста шагов от

Диканьки», тогда было бедным хутором из десятка не обмазанных «избенок да землянок». Такое пространственно-временное «состаривание» и «сжимание» населенного пункта создает впечатление «доисторичности» событий, придает рассказу характер легенды. Более того, это *пространство призрачно*, поскольку рассказчик замечает, что «села этого теперь и следу нет» [4, с.41]. К тому же, оно *ирреально* – из ниоткуда туда приходит дьявол-Басаврюк, который так же бесследно исчезает. «В этом-то хуторе показывался часто человек, или, лучше, дьявол в человеческом образе. Откуда он, зачем приходил, никто не знал» [4, с.41].

Изобразив это канувшее в Лету селение, автор использует *пространственную демоническую вертикаль*: Басаврюк «гуляет, пьянствует и вдруг пропадет, как в воду, и слуху нет. Там, глядь – снова будто с неба упал...» [4, с.41]. Известно, что и небесное, и подземное пространство принадлежит сверхъестественным силам, чаще всего нечистым. Так, широко распространена легенда о том, что Бог сбросил Дьявола с неба, который и обитает с тех пор в своем подземном царстве – в пекле.

Басаврюк «рыскает по улицам села» и одаривает «красных девушек» бесовскими подарками. То есть, Басаврюк, как и черт, *деформирует* идеальное пространство села, вносит в него смуту и страх. Нечистая сила также «*настраивает*» время против героев повести – Петра и Пидорки. «Лукавый дернул» парубка поцеловать хорошенькую «казачку», и «тот же самый лукавый» подбил старого Коржа отворить дверь хаты именно в этот момент. Петруся выгоняют, его любимую сватает богатый лях, и ему ничего не остается, как «залить свое горе» в шинке.

Важным структурным элементом данной повести является *хронотоп шинка*. Это заведение находится в *отдаленном пространстве* – за селом, возле Опошнянской дороги. Недаром впоследствии пространством шинка безраздельно завладела нечистая сила. К тому же, Петрусь пришел туда «в такую пору, когда добрый человек идет к заутрене», то есть, в разгар проделок нечистой силы. Единство *мистериального времени* и «недоброго»

пространства усиливается *календарно-мифологическим временем* – герой оказался в шинке в вечер накануне Ивана Купала. Такое совпадение времени и пространства привело к трагическим последствиям – убийству ребенка, сумасшествию Петруся Безродного и его смерти. И в это роковое время Петрусь заключает договор с дьяволом, обрекая свою душу на вечные мучения. Басаврюк сообщает парубку, что будет ждать его в Медвежьем овраге в полночь. В романтической литературе этому времени суток приписывалась особая мистическая значимость. В полночь должна была решиться судьба Петруся. Эмоционально-психологический смысл времени суток индивидуализирован применительно к Петрусю. Ночь – пора покоя и наслаждения – становится временем свершения судьбоносных действий, временем внутренней борьбы, сомнений и страха.

В повести «Вечер накануне Ивана Купала» автор детализирует как объективное, так и субъективное время персонажей. Так, парубок мучительно долго ожидает прихода сумерек. Эта «растянутость» времени подчеркивает степень отчаяния героя и жажду им богатства. «Я думаю, куры так не дожидаются той поры, когда баба вынесет им хлебных зерен, как дожидался Петрусь вечера. То и дело что смотрел, не становится ли тень от дерева длиннее, не румянится ли понизившееся солнышко, – и что далее, тем нетерпеливей. Экая долгота! видно, день Божий потерял где-нибудь конец свой. Вот уже и солнца нет. Небо только краснеет на одной стороне. И оно уже тускнет. В поле становится холодней. Примеркает, примеркает и – смерклось. Насилу!» [4, с.45].

Местность, по которой пробирались Петрусь с Басаврюком, имеет подчеркнута гибельный характер: густой лес, овраг, топкие болота. Они шли, «цепляясь за густо разросшийся терновник и спотыкаясь почти на каждом шагу» в кромешной тьме. И время, и пространство, казалось, мешали им найти папоротник.

В мистические полночные минуты *пространственно-временные границы* местности раздвигаются и деформируются. Когда Петрусь протянул руку к

цветку папоротника, реально видимое и воображаемое становятся неразделимы. Парубок увидел сотни мохнатых рук, которые тянулись к цветку, «а позади его что-то перебегает с места на место». После того, как Петрусь вырвал цветок, ему «показался» синий Басаврюк и «почудилось ему, будто трава зашумела, цветы начали между собою разговаривать голосом тоненьким, будто серебряные колокольчики; деревья загремели сыпучею бранью...» [4, с.46].

Мистическое время ночи на Ивана Купала и *фантастическое изменяющееся пространство* подготавливают читателя к появлению нового сказочного персонажа. Это Баба Яга в триедином обличье, которая предстает в виде большой черной собаки, кошки и морщинистой старухи. От ее колдовства подброшенный «цветок не упал прямо, но долго казался огненным шариком посреди мрака и, словно лодка, плавал по воздуху; наконец потихоньку начал спускаться ниже и упал так далеко, что едва приметна была звездочка, не больше макового зерна» [4, с.47]. В данном эпизоде время и пространство *уплотняются*. Падение цветка не просто замедляется – он «плывет» по густому пространству.

Мотив папоротника связан в повести с *локусом* сундука с золотом, который находится на *демонической вертикали* – под землей. «...Уже хотел он (Петрусь – А.П.) было достать его рукою, но сундук стал уходить в землю, и все, чем далее, глубже, глубже; а позади его слышался хохот, более схожий с змеиным шипеньем» [4, с.47]. Когда парубок стоял на этой бесовской вертикали и увидел под ногами несметные богатства, «глаза его загорелись... ум помутился...», и он убил безвинного ребенка. Кровопролитие снова деформирует пространство: в газах Петруся всё окрасилось красным, а небо дрожало.

Вернувшись домой, Петрусь заснул. *Мотив сна* не случаен в контексте произведения. Обычно этот мотив используется в литературе для предоставления герою возможности перейти в другое измерение. В гоголевской повести сон, напротив, призван возвратить Петруся из фантастического,

дьявольского пространства в бытовое. Используя мотив сна, автор отделяет реальные события от ирреальных. Парубок очнулся только на третий день после событий купальской ночи. Магическое число три подчеркивает метаморфозы, происшедшие с героем.

Художественная хронология данной повести также весьма символична. Она представляет собой движение от свадьбы, радости, к тоске и унынию, от летнего расцвета к весенней грусти. С *«убыванием» времени* эмоции героя «угасают» и «темнеют». Не прошло и месяца после свадьбы, как с Петрусь изменился. Парубок все силился что-то вспомнить, и не мог. Сознание героя не могло выйти из плена мистического времени ночи на Ивана Купала. Петрусь «выпал» из реального времени и пространства: обыденная жизнь шла «мимо» него. Так прошли лето, осень, зима. Такая *временная дискретность* в повести является мощным средством психологизма и динамизации сюжета. *Напряженное фабульное время* сменяется размеренным календарным. Но *календарное время* только усугубило «болезнь» парубка. Автор описывает, как быстро промелькнули лето и осень в земледельческих заботах для односельчан, а Петро «всё думает об одном». В то время, когда жизнь других людей протекает мирно, Петро пребывает в своем *субъективном, замкнутом времени*, которое вращается вокруг событий июльской ночи и мучает парубка.

Между событиями июльской ночи и повторной встречей с Бабой Ягой прошел почти год. Но события этих месяцев не показаны в тексте повести. Вместо этого автор акцентирует внимание на душевном состоянии Петруся и переживаниях Пидорки. Временной интервал усиливает грустное настроение и подготавливает трагический финал произведения.

Примечательно, что в день гибели Петра в селе снова появился Басаврюк. Данная повесть характеризуется *циклизацией событий*: после смерти Петруся жизнь в селе вернулась в привычное бытовое русло, а дьявол снова принялся «играть» с пространством, оживляя заполняющие его предметы (жареного барана, «чарку», «дичу»).

Заканчивая свой рассказ, Фома Григорьевич подытожил, что шинок возле Опошнянской дороги «нечистое племя долго после того поправляло на свой счет», но «теперь на этом самом месте, где стоит село наше, кажись, все спокойно» [4, с.53].

Автор подчеркивает, что ирреальные события отошли в прошлое. В финале повести *фантастический хронотоп* сменяется бытовым, так как время сказки – это заведомо условное прошлое, вымышленное время и пространство небывальщины. Ироничная концовка фантастической истории (замечание о том, что рассказчик еще помнит проделки нечисти, но сегодня в селе «все спокойно») подчеркивает, что из времени сказки нет выхода во время её сказывания. Сказочным времени и пространству нет места в размеренной, прозаичной жизни дьячка Диканьской церкви. Однако соединение ирреального, фантастического и реального, бытового времени играет важную роль в построении повести. При этом ирреальное время в повести «Вечер накануне Ивана Купала» связано со сказочными образами (бабы-яги, избушки на курьих ножках) и мотивом метаморфозы (превращение бабы-яги в собаку и кошку, Петруся – в безумного, золота – в черепки, шинка – в «обитель зла» и т.п.).

Среди *пространственных координат* автор выделяет Опошнянскую дорогу, Диканьскую церковь, село «не более ста шагов от Диканьки», Медвежий овраг.

Среди *хронотопических мотивов и образов* в повести особого внимания заслуживают *хронотопы* *стола, шинка, оврага, леса, «избушки на курьих ножках», недостижимого клада, ночи на Ивана Купала, дома (замкнутого пространства, в котором Петрусь живет в своем замкнутом времени).*

Название повести подчеркивает её временные особенности. «Вечер накануне Ивана Купала» – это особое время, интенсивность которого совпадает с чрезвычайной насыщенностью пространства, где произрастает папоротник. Это время характеризуется сложными и неявными колебаниями, изменениями, протяженностью, скоростью. Оно дается в восприятии героя.

Итак, в повести «Вечер накануне Ивана Купала» наблюдается синтез ирреального, сказочного, фантастического, мифологического, календарного, суточного, цикличного, подвижного и неподвижного времени.

Литература

1. Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. – М.: Худож. лит., 1975. – 504 с.
2. Бахтин М. М. Рабле и Гоголь // Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная смеховая культура средневековья и Ренессанса. – 2-е изд. – М.: Худож. лит., 1990. – С. 526-536.
3. Введение в литературоведение. Литературное произведение: Основные понятия и термины: Учебное пособие / Л. В. Чернец, В. Е. Хализев, С. Н. Бройтман и др. / Под. ред. Л. В. Чернец. – М.: Высшая школа: Изд. центр «Академия», 1999. – 556 с.
4. Гоголь Н.В. Собрание сочинений. В 7-ми томах. Т. I. Вечера на хуторе близ Диканьки. Под общ.ред. С. И. Машинского и М. Б. Храпченко. Примеч. А.В.Чичерина и Н.Л.Степанова. М., «Худож.лит.», 1976. – 333с.
5. Есин А. Б. Принципы и приемы анализа литературного произведения: Учебное пособие. – М.: Флинт: Наука, 2003. – 248 с.
6. Киченко А. С. «Вечера на хуторе близ Диканьки» Гоголя: мифопоэтическая организация пространства // Нові гоголезнавчі студії: Вип. 2 (13). – Сімферополь: Кримський Архів, 2005. – С. 55-64.
7. Ковальчук О. Г. Гоголь: буття і страх // Зарубіжна література. – 2002.– №36. – С. 3-4; 9
8. Лотман Ю. М. В школе поэтического мастерства: Пушкин. Лермонтов. Гоголь: Кн. для учителя. – М.: Просвещение, 1988. — 351 с.
9. Лотман Ю. М. О русской литературе. – СПб, Академия, 1997. – 848 с.
10. Манн Ю. В. Поэтика Гоголя. – М.: Худож. лит., 1988. – 413 с.
11. Манн Ю. В. Смелость изобретения. Черты художественного мира Гоголя. – 2-е изд., дополн. – М.: Детская литература, 1979. – 142 с., фотоил.

12. Мацапура В. И. Украина в русской литературе первой половины XIX века.– Харьков-Полтава, ПОИШПО, 2001. – 396 с.